

УДК 343.14

И. А. Зинченко, кандидат юридических наук, доцент,
доцент Калининградского филиала
Международного университета (в Москве)

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА И ЮРИДИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

В статье анализируются легальные и иные – жизненные – препятствия на пути юридического познания, обуславливающие характер «истины», постигаемой в уголовном процессе. Утверждается, что в результате деятельности доказывания в уголовном производстве создается юридический продукт, «истинность» которого весьма ограничена; что используемый в УПК государств на постсоветском пространстве термин «объективность» следует воспринимать не иначе как синоним беспристрастности.

Ключевые слова: теория доказывания, доказательственное право, достижение объективной истины, юридическая реальность.

I. A. Zinchenko. Objective truth and legal reality in criminal procedural knowledge

The article analyzes legal, as well as other - life obstacles in the way of legal cognition, which determine the nature of the truth that is known in the criminal proceeding. It is alleged that as a result of the proving in the criminal proceedings creates a legal product whose "truth" is limited; that used in the Code of Criminal Procedure states in the post-Soviet space, the term "objective" is to be understood as a synonym for impartiality.

Key words: proof theory, law of evidence, achievement of objective truth, legal reality.

Постановка проблемы. В государствах на постсоветском пространстве проблемы теории доказывания и доказательственного права неизменно привлекают внимание университетских ученых и творцов законов. Причины этого разные. В самом общем плане можно предположить, что они коренятся в непростом переходном периоде от коммунистической идеологии к буржуазной. В этих условиях мучительно формируется новое научное мировоззрение. (Не случайно наши западноевропейские коллеги, судя по имеющимся литературным источникам, проявляют интерес преимущественно к вопросам реализации доказательственного права, а не его дефинициям). По прошествии нескольких десятилетий уже можно сказать: иного развития событий и быть не могло. Не можем мы избавиться и от мысли о нагрянувшей симплификации просвещения и, как результат, об ущербности методологии научного знания. Что же касается опыта развития отечественного государства и права (хотя об это уже и написано немало [4]), то он еще ждет своего переосмысления.

Цель статьи – уточнение легальной и доктринальной дефиниции «истины», устанавливаемой в уголовном судопроизводстве.

Изложение основного материала. 1. В уголовно-процессуальной теории мировоззрение представителей различных научных школ и направлений обнажилось в неутрачивающих дискуссиях о характере истины, познаваемой в уголовном судопроизводстве. Никакая другая тематика не создала столь благоприятную почву для демонстрации не только неоднозначных, но и полярных позиций ученых-процессуалистов. Что касается нашего субъективного мировосприятия, то в последние лет десять оно в значительной мере строилось и продолжает формироваться – процесс этот непрерывен – под влиянием произведений нашего коллеги и давнего друга В.П. Гмырко [4, 5, 6, 7 и др.]. С Валерием Петровичем судьба связала нас еще в середине

© И. А. Зинченко, 2018

80-х годов прошлого столетия, когда мы были руководителями кафедр уголовного процесса различных вузов МВД СССР. А вот предметное начало творческому сотрудничеству было положено работой над рукописью книги «Уголовный процесс: проблемные лекции», в которой мне довелось быть одним из научных редакторов, а В.П. Гмырко – создателем уникального для процессуальной теории раздела [6]. В нем на суд юридической общественности была вынесена идея внедрения системомыследеятельностной методологии, которая должна прийти на смену «отражательной» теории уголовно-процессуального доказывания. Сказанное, конечно, не означает, что я плыву лишь в фарватере методологии коллеги (порой для меня труднодоступной: для овладения ею нужны годы), но многие правовые явления, представления о которых складывались в предшествующие десятилетия, удалось рассмотреть в новом свете.

2. В современной учебной, методической и научной литературе, нацеленной на подготовку будущих правоохранителей и служащих Фемиды, а затем и на повышение их квалификации, безраздельно господствует взгляд на достижение объективной истины как цели доказывания. Эта тематика в специальных источниках представлена столь широко, что для анализа в настоящей статье мы вынуждены были выбрать, возможно, не самые заметные и «прорывные» произведения, а лишь те, которые способствуют изложению наших взглядов на рассматриваемый предмет.

Странной, допустим, представляется ситуация, когда в рамках единого, казалось бы, методологического подхода авторитетными авторами делаются диаметрально противоположные выводы. Например, О.Я. Баев полагает, что «требование о всестороннем полном и объективном исследовании обстоятельств дела можно отнести лишь к такому профессиональному участнику уголовного судопроизводства, как суд» [2, с. 21]. С.А. Шейфер подобное решение считает возвратом к репрессивному, недемократическому характеру УПК РСФСР и предлагает закрепить в УПК РФ принцип объективной истины только в качестве одного из общих условий предварительного расследования, негодного для суда [15, с. 286–287]. Думается, различные подходы к характеристике досудебного и судебного производств, причем не только на правовом, но и на идеологическом уровне, должны существовать, но они не могут столь разительно отличаться применительно к познаваемой субъектами доказывания «истине». Пытаться же корректировать правовыми средствами законы гносеологии и логики – дело бесполезное.

Другой пример. Белорусский ученый Р.Г. Зорин предлагает законодательно закрепить установление истины в качестве цели уголовного процесса в целом. «Исключить в уголовном процессе цель по установлению истины, – убежден автор, – равносильно прекращению его развития». Отсутствие же познавательной цели, по его мнению, «несет с собой опасность злоупотреблений, возможность наступления хаоса» [9, с. 105]. Представляется, в этом мнении допущено преувеличение и подмена понятий. С одной стороны (памятуя, что задача есть цель, заданная в определенных условиях), цель подменяется задачей, а с другой – цель одной разновидности деятельности подменяется целью деятельности другого вида. Нет сомнений в том, что доказывание, цель которого – достижение достоверного знания, потребного для принятия процессуальных решений, составляет сердцевину уголовного процесса. Однако цель всего уголовного процесса, детерминированного самыми разными факторами, интересами доказывания не ограничивается.

Ряд высказываний, отражающих мировоззренческие взгляды наших коллег, сложившиеся во второй половине прошлого столетия, мы находим в одной из работ А.П. Кругликова [10]. Выбор для анализа именно его доктринальных представлений не случаен. Во-первых, в одной научной статье автору удалось высказаться по широкому кругу занимающих нас вопросов, во-вторых, его подходы типичны для апологетов объективной истины в уголовном судопро-

изводстве. И еще – они иллюстрируют: к выходу за пределы уголовно-процессуальной догматики юристам следует относиться крайне осмотрительно, тем более что сами обществоведы в своих изысканиях все еще «пользуются схемами и вокабулярием, более подходящими для позапрошлого века» [13, с. 45].

Претензии могут быть предъявлены ко многим высказываниям А.П. Кругликова. Автор заявляет, например, что для обозначения одних и тех же понятий недопустимо использовать различные термины (а как же быть тогда с использованием синонимов?), что нельзя объективную истину называть также и материальной, причем не любую истину, а познаваемую именно в уголовном процессе. Утверждается, что термины «цель» и «задача» являются синонимами (!?), что нельзя установление объективной истины считать одновременно целью/задачей доказывания и принципом уголовного процесса [10, с. 235–240]. Заметим, что создатели УПК Азербайджанской Республики по последнему из приведенных мнений придерживаются иной точки зрения. В ст. 8 названного Кодекса всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием, названо одной из задач уголовного судопроизводства, а в ст. 28 объективность и беспристрастность отнесены к числу его принципов.

В анализируемой научной статье содержится весьма сомнительное утверждение о том, что в настоящее время отсутствуют какие-либо основания для введения в УПК РФ «института объективной истины», поскольку данный институт в УПК РФ уже есть. Аргументируется эта точка зрения, во-первых, обязанностью доказывания по каждому уголовному делу события преступления, виновности лица в его совершении, формы вины и других обстоятельств – ст. 73 УПК РФ. Во-вторых, – предъявляемым законом к прокурору, следователю и дознавателю требованием принимать предусмотренные Кодексом меры по установлению события преступления и изобличению лица/лиц, виновных в его совершении – ч. 2 ст. 21 УПК РФ [10, с. 238].

Мы не можем согласиться с мнением о том, что нормы именно ст. ст. 21 и 73 УПК РФ образуют самостоятельный процессуальный институт объективной истины. В своих рассуждениях А.П. Кругликов добавил к формулировкам законодателя, казалось бы, совсем немного. Он полагает, что из текста ст. 73 УПК РФ «несомненно» следует вывод: обстоятельства преступления «должны быть установлены такими, какими они были в действительности» [10, с. 238]. В этой позиции все могло быть верно, если закрыть глаза на то, что здесь желаемое выдается за действительное. В этом отношении мы солидарны с А.С. Александровым, сделавшим не без доли иронии замечание в адрес представителей Следственного комитета РФ, ратующих за возвращение в УПК РФ формулировки принципа объективной истины: «Само по себе стремление следователей СКР к истине не может не быть похвальным: стремитесь к ней изо всех сил. И мы (общество) будем приятно удивлены успехами на этом поприще, когда после всестороннего, полного и объективного расследования преступник понесет заслуженное наказание» [1, с. 143].

В работе А.П. Кругликова примечательно еще одно, не разделяемое нами высказывание, выражающее весьма распространенную в среде процессуалистов позицию. Оно касается так называемой юридической истины. «Понимая и зная, – пишет автор, – что суды нередко принимают решения на основе рассмотренных в суде доказательств, все же считаю, что нет оснований для существования какой-то особой юридической истины» [10, с. 241]¹. На этой проблеме мы и остановимся в последующем изложении.

3. Уголовно-процессуальное доказывание сложено по юридическим схемам, и этот факт не может не оказывать влияние на характер отраслевого познания. Мы презюмируем, что при-

---

¹ Нельзя оставить без внимания и заявление автора о том, что решения судов нередко основываются на рассмотренных в суде доказательствах. Оно искажает суть непреложного правила, согласно которому ни на чем ином решения суда основываться не могут.

существовавшие при производстве следственного действия понятия своей подписью удостоверили соответствие протокольных записей всему, имевшему место в действительности. Однако любой дознаватель или следователь способен рассказать о ситуациях и привести десятки примеров, когда с присутствием понятых в реальном производстве далеко не все складывалось так безоблачно, как это прописано в законе.

Общепризнана и подтверждена высшей судебной инстанцией необходимость отражения в протоколе судебного заседания доказательств, положенных в обоснование итогового решения – приговора суда, рассматривающего уголовное дело по существу. При этом всем понятно, что удаляясь в совещательную комнату для постановления приговора, суд не располагает сформированными доказательствами, ибо они еще нашли отражения в окончательно оформленном протоколе.

Но эти и многие другие примеры – не главное. Основные предпосылки, создающие препятствия на пути познания истины/правды в уголовном судопроизводстве (в любой ее интерпретации), содержатся в самом законодательстве. Оставляя сейчас в стороне уголовные производства по делам о нераскрытых преступлениях, в которых цели доказывания не достигаются (их много – примерно 45–50% от числа зарегистрированных преступлений), обратимся к основным легальным ситуациям:

1) сложно утверждать о достижении истины в ходе досудебного и судебного производств в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением) – гл. 40, 40.1 УПК РФ. (От общего количества уголовных дел, направляемых в суд, в особом порядке рассматривается почти 70%). В отличие от обычного порядка (хотя еще вопрос: какой теперь порядок считать «обычным?»), собранные при производстве расследования доказательства судом вообще не исследуются и не оцениваются – ч. 5 ст. 316 УПК РФ. Обвинительный же приговор постановляется, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласен подсудимый, обосновано и подтверждается *не проверенными и не оцененными им* доказательствами, собранными в досудебном производстве – ч. 7 ст. 317 УПК РФ. Это означает, что судья как бы *на веру* опирается на доказательства, собранные не им, а другими субъектами и соглашается с ними. Не случайно в уголовно-процессуальной теории подобное производство именуют «делкой с правосудием», а постигаемую при этом «истину» – «договорной» («конвенциональной»);

2) максимально упрощенные правила доказывания, секвестрирующие возможности познания имевших в прошлом событий, предусмотрены законом и при производстве дознания в сокращенной форме – гл. 32.1 УПК РФ;

3) о неустановленной истине мы вынуждены утверждать и в случае постановления оправдательного приговора ввиду недоказанной виновности обвиняемого. К этому обязывает такая юридическая фикция, как презумпция невиновности. В данной ситуации основанием прекращения дела служит непричастность подсудимого к совершению преступления (п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ), хотя понятно, что это основание охватывает ситуации недоказанной вины в действительности «виновного» субъекта;

4) ущемление принципа достижения истины может сложиться и при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей. Имеются в виду казусы, в которых председательствующий судья при постановлении приговора обязан руководствоваться вердиктом присяжных вопреки своему внутреннему убеждению об установленных обстоятельствах дела;

5) схожая ситуация складывается и в такой юридической конструкции, как отказ прокурора от обвинения в суде – ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Судья (суд), не найдя оснований для постановления оправдательного приговора, обязан прекратить дело, даже если это решение противоречит его убеждению;

б) уместно вспомнить и о преюдиционных «доказательствах», принимаемых субъектами доказывания без какой-либо проверки – ст. 90 УПК РФ. В ряде кодексов государств ближнего зарубежья соответствующие нормы изложены еще более широко, нежели в УПК РФ. Так, согласно ст. 73 УПК Грузии к их числу, в частности, отнесены обстоятельства, установленные по другому уголовному делу, если ни один из участников процесса не ставит их под сомнение, а также *любые другие факты, о которых стороны могут договориться*. В ч. 1 ст. 125 УПК Латвийской Республики закреплена легальная презумпция факта того, что лицу были известны его обязанности, предусмотренные нормативными актами. А согласно ч. 2 этой же статьи «считается доказанным, что лицо нарушило авторские, смежные права или право собственника на товарный знак, если оно не может правдоподобно объяснить или обосновать происхождение или приобретение этих прав».

Элементами процессуальной формы пронизано все процессуальное законодательство. Жесткие требования предъявляются к форме доказательств – они должны устанавливаться одним из перечисленных в законе процессуальных источников. Формальные правила определены для вида доказательств, с помощью которых устанавливается причина смерти, характер и степень вреда, причиненного здоровью, психическое или физическое состояние обвиняемого, подозреваемого. Повышенное внимание к условиям допустимости доказательств, в частности, абсолютизация требования о недопустимости доказательств, полученных с нарушением федерального закона, с неизбежностью влечет за собой укрепление формальных начал в их оценке. Этому процессу способствует внедрение руководящих разъяснений судов высших инстанций, наличие многочисленных и фактических презумпций, унификация процессуальных актов [8, с. 37].

Примечательно, что в приведенных ситуациях, как это ни парадоксально, продолжает реализовываться еще одна презумпция – законности и *обоснованности* вступившего в силу приговора или иного судебного решения.

На познание обстоятельств расследуемого и рассматриваемого в суде события такими, какими они имели место в действительности, не может не оказывать влияние пресловутый и практически никем (за исключением руководителей судебного сообщества) не отрицаемый обвинительный уклон в работе субъектов доказывания, принимающий порой самые изощренные и причудливые формы. С.А. Пашин детально описывает «стандартные приемы фабрикации истины, с помощью которых судья при желании либо по команде из любого сделает преступника». Это: 1) приписывание мотивов; 2) аггравация, сгущение красок; 3) смешение в приговоре доказательств события и доказательств виновности; и 4) явные искажения в толковании доказательств и фактов [11].

Обвинительному уклону «потворствует» и законодатель, отнеся в п. 47 ст. 5 и в гл. 6 УПК РФ дознавателя, следователя и прокурора исключительно к стороне обвинения. Не отстает и судебная практика, ориентирующая судей на максимально полное знание материалов уголовного дела, составляющих основание для разрешения дела по существу [12, с. 38].

4. Нам представляется, что даже в государствах ближнего зарубежья, текстуально (формально) включивших в УПК принцип достижения объективной истины, он не способен последовательно и в полной мере реализоваться ни в законодательстве, ни в практике уголовного судопроизводства. Так, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела закреплена в качестве принципа уголовного процесса в ст. 28 УПК Азербайджанской Республики, ст. 19 УПК Киргизской Республики², ст. 23 УПК Туркменистана. Авторы комментария к последнему из указанных кодексов отмечают: «Данный принцип является и принципом установления по делу материальной или объективной истины» [14, ст. 23].

---

² Из нового УПК этого государства (он вступит в силу 1 января 2019 г.) данный принцип исключен. Примечательно, что в какой-то мере он поглощен принципом «беспристрастности и свободной оценки доказательств» – ст. 22 нового УПК Киргизской Республики.

Установление подобного рода истины принято считать типичной целью инквизиционного процесса, являющей собой идеологический стержень советской теории доказательств и якобы продолжающей составлять первооснову современного научного познания. Однако так ли это бесспорно? Ведь ни в нормах, наполняющих приведенные статьи, ни в иных статьях указанных и других кодексов, в частности, описывающих цель доказывания, вопреки распространенному мнению [3, с. 17], нет и намека на достижение объективной истины. В них, например в ч. 2 ст. 127 УПК Республики Армения, закрепляются правила оценки доказательств по внутреннему убеждению, которое должно быть основано на всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств.

На наш взгляд, нет ничего крамольного в самом «ярлыке» – в формальной легальной формулировке анализируемого принципа, если он не проведен в конкретных правилах, претворяющих суд в соратника обвинительной (исполнительной) власти.

Да и надо ли остерегаться термина «объективность», синонимом которого служат слова «непредвзятость», «беспристрастность», «честность», «независимость», «справедливость», «незаангажированность». Именно в этих значениях, а не в смысле адекватного отражения в сознании исследователей реальной действительности должен восприниматься термин «объективность», употребляемый в позитивном праве. Вот конкретные примеры, почерпнутые из кодексов ряда государств. В ч. 4 ст. 152 УПК РФ говорится об объективности расследования при определении места его производства, в ч. 2 ст. 325 – об объективности разрешения дела при рассмотрении судом вопроса о выделении его в отдельное производство, в ч. 1 ст. 330 – об объективности вердикта присяжных. В ч. 6 ст. 340 УПК РФ закреплено предъявляемое к председательствующему требование не нарушать принцип объективности и беспристрастности при произнесении им напутствующего слова, обращенного к присяжным заседателям.

В ч. 6 ст. 22 УПК Украины включено следующее предписание: «Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, создает необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей». А вот в ч. 1 ст. 94 УПК Украины термин «объективность» безболезненно заменен словом «беспристрастность». Аналогичным образом данная проблема разрешена и в УПК Азербайджанской Республики. Его ст. 28 именуется «Объективность, беспристрастность и справедливость уголовного судопроизводства», но в тексте норм, наполняющих эту статью, термин «объективность» отсутствует. В них говорится о том, что суды должны рассматривать дела только на основании фактов, беспристрастно и справедливо; что судьи обязаны отстаивать лишь интересы закона; что судья или присяжный заседатель не может участвовать в отправлении правосудия, если имеет хотя бы косвенную заинтересованность в исходе уголовного процесса.

Обращают на себя внимание и новые тенденции, касающиеся нормативных требований, предъявляемых к оценке доказательств. Так, в УПК Грузии (п. 11–13 ст. 3) включены такие словосочетания, как «обоснованное предположение», «высокая степень вероятности», «вне разумного подозрения».

Примеры можно продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы утверждать: смысл законов, даже независимо от воли его создателей, сводится к требованию законности (правильности, истинности) пути доказывания, в непредвзятости лиц, уполномоченных принимать решения. Грешно не замечать разницу в выборе законодателем слов и выражений, использованных для характеристики *беспристрастности* познающего субъекта и/или постижением им *объективной истины*.

5. В юридической проблематике правомерно ставить вопрос об «истине», не снабжая ее раздражающими определителями – «объективная» либо «материальная». Именно об этом еще в 2013 г. написал нам в личной переписке В.П. Гмырко: «Если быть последовательным и не

забывать о законе тождества, то речь можно вести только об истине в ее корреспондентской версии без оформляющих ее сущность прилагательных. Различать следует истину и иные – вероятностные – продукты. Это – *conditio sine qua non!*». Добавим к этим словам, что в характеристике уголовно-процессуального познания, как нам представляется, специалистам имеет смысл быть более сдержанными в эксплуатации дефиниции «истина», отдав предпочтение словосочетаниям «юридическая реальность», «юридическая действительность».

Выводы и перспективы дальнейших исследований в этом направлении. Не подвергается сомнению стремление субъектов доказывания в любом юрисдикционном производстве к установлению исследуемых событий такими, какими они имели место в действительности, к правде. Однако, как мы попытались показать, на этом пути существует немало легальных и других – жизненных – препятствий, поэтому в традиционную дефиницию устанавливаемой в уголовном судопроизводстве «истины» имеет смысл включить определенные ограничения и оговорки. Под юридической реальностью в уголовном процессе предлагается понимать такое достижение знания дознавателем, следователем, прокурором, судьей об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, которое по возможности максимально достоверно соответствует тому, что в конкретной ситуации имело место в действительности. В разумных пределах (поскольку в материале знания не может не отражаться личность того, кто ее формирует) она не должна зависеть от особенностей и пристрастий познающих субъектов.

Подбирая приемлемые в анализируемой ситуации слова и выражения, хотелось бы сказать, что в судопроизводстве скорее «дело разрешается по существу», нежели «постигается истина».

Список использованных источников:

1. Александров А.С. Состязательность и объективная истина. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142–157.
2. Баев О.Я. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 19–32.
3. Бастрыкин А.И. 300 лет российского следствия. Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (12 октября 2017 г.); под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия СК РФ, 2017. С. 8–19.
4. Гмирко В.П. Генеза теорії доказів вітчизняного кримінального процесу: методологічна рефлексія. Часопис Національного університету «Острозька академія». 2012. № 2 (12). URL: <http://lj.oa.edu.ua//articles/2015/n2/hvppmr.pdf>
5. Гмирко В.П. Концепт «відбиття» і методологічні проблеми теорії доказування. Університетські наукові записки. Часопис Хмельницького університету управління та права. 2011. Вип. 3. С. 274–281.
6. Гмырко В.П. Доказывание в уголовном процессе: деятельностная парадигма. Теоретический анализ. Проблематизация. СМД-репрезентация. Уголовный процесс. Проблемные лекции; под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 786–799.
7. Гмырко В.П., Зинченко И.А. Парадоксы доказательственного права. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 9–17.
8. Зинченко И.А. Принцип достижения объективной истины в контексте назначения и цели уголовного процесса. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 34–46.
9. Зорин Р.Г. Судьба истины в уголовном процессе: рождение, реанимация или верная гибель. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 105–110.
10. Кругликов А.П. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве. Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической

психологии. Секция «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология»: материалы Междунар. науч.-практич. конф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 232–243.

11. Пашин С.А. Правда и истина в суде. Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения. 2014. № 2–3 (65). URL: <http://otetrad.ru/magazine-9.html>

12. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 т. / под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. Т. 2: практич. пособие. 395 с.

13. Пржиленский В.И. Юридическое познание и правоприменительные практики в контексте неклассической эпистемологии. Вопросы философии. 2015. № 8. С. 42–52.

14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана; под ред. А.В. Смирнова. Ашхабад: Центр ОБСЕ в Ашхабаде, 2012. 656 с.

15. Шейфер С.А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института объективной истины по уголовному делу». Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 280–287.